

Однажды, когда я сидел у Мартына Григорьяча, вошел мастеровой:

-- Пришли от Данила Петровича.

-- Зачем? -- спросил хозяин.

-- Да за гробом.

-- Кто у них умер, уж не жена ли?

-- Нет, Данила Петрович сам изволил скончаться...

Мартын Григорьяч всплеснул руками:

-- Может ли это быть? Бедный! Давно ли мы с ним виделись?.. Такой талант! Такое сердце!

-- Прсят дощатого гроба подешевле, а у нас такого нет, -- прервал его хладнокровно работник.

-- Неси какой есть готовый, не твое дело... Бедный, бедный Данила Петрович!.. -- С этими словами он взял шляпу и сказал мне: -- Хотите ли поклониться праху незнакомого вам, но замечательного человека? Пойдемте со мною. Вы слышали о Шуйском?..

-- Никогда, -- отвечал я, -- но я готов идти с вами.

-- Так! Участь этого человека быть неизвестным; но по крайней мере он начнет жить после смерти; может быть, мне суждено быть его проводником к бессмертию. Неужели и вы не знаете, что мой бедный неизвестный Данила Петрович был, может быть, одним из первых живописцев нашего времени?..

-- Я никогда не видал ни одной его картины...

-- Не мудрено, потому что у него не было ни одной конченной; но пойдем в его мастерскую, и вы уверитесь, что я говорю правду. Я недавно с ним познакомился; он был очень, очень беден, но все, что скрывалось в его голове, все, что нечаянно он бросил на полотно нетерпеливою кистью, того я вам пересказать не сумею... Вы сами увидите...

Мы вошли. Грустно было смотреть на мастерскую бедного художника. Бледный труп его лежал на простых досках; на лице его еще остались следы внутреннего, недавно погасшего огня; черные волосы лентами струились с прекрасно образованной головы; но все было искажено, запятнано смертию; его покрывало едва держащееся рубище; вокруг были разбросанные краски, палитра, кисти; на огромной раме натянутое полотно; оно невольно приковало мое внимание; но на холсте не было картины, или лучше сказать, на нем были сотни картин; можно было различить некоторые подробности, начертанные верною, живою кистью, но ничего целого, ничего понятного. От нетерпения ли художника, от недостатка ли в холсте, но видно было, что он рисовал одну картину на другой; полустертая голова фавна выглядывала из-за готической церкви; на теньеровском костюме, набросана фигура мадонны; сметливый глаз русского крестьянина был рядом с египетскою пирамидою; водопады, домашняя утварь, дикие взоры сражающихся, цветы, кони, атласные мантии, уличные сцены, кедры, греческие профили, карикатуры -- все это было перемешано между собою на различных планах, в различных колоритах, и углем, и мелом, и красками, -- и ни в чем не только нельзя было угадать мысли художника, но с большим трудом можно даже было уловить какую-либо подробность. Стены, окна мастерской, палитра, мебели были испещрены точно такими же очертаниями... других картин не было. Наши изыскания были прерваны разговором в ближней комнате, сперва тихим, но потом мало-помалу возвышавшимся...

-- Ах, не говорите, матушка, -- повторял один женский голос, рыдая, -- я, я убила его!..

-- Полно, полно! Что с тобой? -- отвечал другой, женский же голос. -- Что ты на себя клеплешь! Полно, полно горевать. Еще молода, мать моя, -- другого мужа найдешь.

-- Нет, не нажить мне моего Данила Петровича!

-- Полно, говорят тебе, слезами не поможешь, да я что правду сказать: счастлива, что ли, ты с ним была? В довольстве, что ли? Что в нем пути-то было?..

Вдова не слушала, а только, повторяла свое:

-- Я убила его; он сам говорил, сердечный: ты убьешь меня... Я точно убила его!..

А та отвечала:

-- Полно на себя клепать! он просто занемог, да и умер...

Эта сцена продолжалась довольно долго: жалобы с одной стороны, утешения с другой; наконец последние превозмогли; казалось, рассуждения собеседницы утешили вдову, по крайней мере она успокоилась. Мой товарищ хотел навеститься к ней; но дверь отворилась, и от вдовы вышла женщина пожилых лет, в крепко накрахмаленном чепце, с веселым и добродушным видом.